

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію безъ пересылки три руб. сер., съ пересылкою 3 р. 60 к. сер. } Выходятъ два раза въ мѣсяць. }
1 и 16 чиселъ.

16-го Января № 2. 1878 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ святѣйшему Синоду, 8 декабря 1877 года, всемилостивѣйше повелѣно быть члену святѣйшаго Синода, экзарху Грузіи *Евсевію*—архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ, съ оставленіемъ въ званіи синодальнаго члена, а архіепископу нижегородскому *Іоанникію*—архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ, съ званіемъ члена святѣйшаго Синода и экзарха Грузіи.

Государь Императоръ, 8 декабря 1877 г., Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ святѣйшаго Синода о перемѣщеніи епископа астраханскаго *Хрисанова* на епархіяльную архіерейскую кафедру въ Нижній Новгородъ, епископа самарскаго *Грасима* на архіерейскую кафедру въ Астрахань и епископа рижскаго *Серафима* на архіерейскую кафедру въ Самару.

Государь Императоръ, 31 декабря 1877 г., Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ святѣйшаго Синода о бытіи второму викарію кievской епархіи, епископу уманскому *Филарету*—епископомъ рижскимъ и митавскимъ.

Государь Императоръ, 31 декабря 1877 г.; Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ святѣйшаго Синода о бытіи ректору московской духовной Академіи архимандриту *Михаилу*—епископомъ уманскимъ, вторымъ викаріемъ кievской епархіи.

Государь Императоръ, 31 декабря 1877 г., Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ святѣйшаго Синода о бытіи первому викарію кievской епархіи, епископу чигиринскому *Порфирію*—членомъ московской святѣйшаго Синода конторы, сверхъ штата, съ увольненіемъ отъ чигиринской викарной кафедры.

21-го декабря 1877 года. № 10682. Отношеніе председателя главнаго управленія Общества Попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы къ его высокопреосвященству высокопреосвященнѣйшему Филоею митрополиту кievскому и галицкому.

По докладъ Августѣйшей покровительницѣ Общества о томъ, что ваше высокопреосвященство передали въ распоряженіе кievскаго мѣстнаго управленія 17,000 рублей, Государыня Императрица Высочайше повелѣтъ соизволила: благодарить отъ Имени Ея Величества ваше высокопреосвященство, духовенство, монастыри и церкви епархіи, кото-

рыя приняли участіе въ этомъ пожертвованіи, за теплое отношеніе къ нуждамъ страждущихъ воиновъ.

Увѣдомляя о такой Высочайшей волѣ призываю на себя молитвы ваши и имѣю честь быть вашъ покорный слуга А. Баумгартенъ. На отношеніи семъ резолюція его высокопреосвященства 31-го декабря 1877 г. послѣдовала такая: въ консисторію для сообщенія копии сего отношенія въ редакцію Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ

Трудовъ Высочайше утвержденнаго III-го археологическаго съѣзда.

Вышли въ свѣтъ **Труды III Археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августъ 1874 г. Кіевъ. Въ типографіи св. Владиміра. 1878.** Два тома, заключающіе въ себѣ 150 печатныхъ листовъ. Содержаніе составляютъ 74 реферата гг. Антоновича, Антонова, Аристова, а. Амфилохія, Богушевскаго, Борисяка, Брикнера, Бруна, Бурачкова, Ваденюка, Викторова, Витковскаго, Ванкеля, Волошинскаго, Волкова, Гаркави, Голубева, Григоровича, Дашкевича, Беды Дудика, Житецкаго, Забѣлина, Износкова, Ивашенко, Калужняцкаго, Коляра, Кондакова, Константиновича, Каминскаго, Лашкарева, Левченко, Лебединцева, Луи Леже, Люценко, Малышевскаго, Миллера, Мисевскаго, Мищенко, Модестова, Мѣржинскаго, Мурзакевича, Оссовскаго, Павинскаго, Павлова, Прозоровскаго, Помяловскаго, Разумовскаго, Рогге, Романовскаго, Самоквасова, Свирѣлина, Срезневскаго, кн. Сибирскаго, Скимборо-

вича, Терновскаго, графа М. В. Толстаго, В. А. Толстаго, графа А. С. Уварова, Ягича, Юзефовича, Юрченко, Теофилактова. Значительная часть рефератовъ посвящена Кіеву и Малороссіи. Таковы рефераты: о св. Софіи Кіевской. Кіевская архитектура X—XII в. О значеніи вѣкоторыхъ фресковъ Кіево-Софійскаго собора. О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время. Древнѣйшее арабское извѣстіе о Кіевѣ. О происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ. Золотыя ворота въ Кіевѣ. Кіево-Кириловская Троицкая церковь. Въ какихъ мѣстахъ Кіевской и смѣжныхъ губерній находимы были каменные орудія? Раскопы кургановъ въ Васильковскомъ уѣздѣ. Замѣчанія о курганахъ въ кіевской губерніи. Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ. О мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій человека вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гонцахъ Полт. губерніи. Матеріалы для археологіи Воыни. О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Воынской губерніи. О курганахъ Черниговскаго уѣзда. Сѣверянскіе курганы. О трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уѣздѣ. Преданія о кладахъ, какъ данныя къ вопросу о топографіи Гадячскаго уѣзда. О пересопницкой рукописи. О составѣ библіотеки Петра Могилы. Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ. Великорусскія былины и южно-русскія думы. Отличительныя черты южно-русской народной орнаментики.

Остальные рефераты имѣютъ общій научный интересъ. Изданіе въ типографскомъ отношеніи исполнено изящно. Въ **Трудахъ** приложенъ атласъ изъ XXV фото-литографическихъ таблицъ, изъ воихъ 10 посвящено южно-русской орнаментикѣ.

Цѣна съ атласомъ двадцать пять руб. сереб.

Адресоваться: въ Кіевѣ. Казначей III Археологическаго съѣзда Доценту Университета Ф. А. Терновскому.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Января № 2. 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

С Л О В О

НА НОВЫЙ 1878 ГОДЪ.

Мы, по милости Божіей, вступили въ новый годъ. Если не всё, то вѣрно большинство присутствующихъ въ семъ свѣтхрамѣ въ 12 часовъ истекшей ночи, въ большемъ или меньшемъ кругу родныхъ и знакомыхъ, поздравляли другъ друга съ наступленіемъ новаго года, сопровождая свои поздравленія различными благожеланіями.

Теперь всё мы во свѣтхрамѣ, тоже по поводу празднованія начала новаго года. Какими же благожеланіями мнѣ привѣтствовать васъ съ сего священнаго мѣста—тѣми ли, которые въ общемъ употребленіи, или какими иными?

Въ нашихъ благожеланіяхъ главное—счастіе и благополучіе, доброе здоровье и продолженіе жизни въ наступившемъ году. Свѣтцерковь не только не осуждаетъ, но сама благословляетъ такія благожеланія особымъ молебнымъ пѣніемъ въ настоящій день, только при этомъ она старается

возвести наши мысли и обязываетъ насъ еще къ иному, чего при нашихъ обыкновенныхъ благожеланіяхъ большею частію не имѣется въ виду и безъ чего выражаемая нами благожеланія могутъ оказаться пустыми словами приличія. Значить, св. церковь наши привѣтствія съ новымъ годомъ считаетъ недостаточно полными, потому сама же въ нынѣшнемъ молебномъ пѣніи указываетъ, въ чемъ должно состоять это восполненіе.

Обращаемся къ молебному пѣнію; но прежде всего задаемъ себѣ такой вопросъ: что значить въ жизни нашей наступленіе каждаго новаго года? Простой отвѣтъ—это обыкновенный счетъ времени. По взгляду христіанскому иначе: начало новаго года означаетъ то, что съ окончаніемъ каждаго года нить нашей жизни становится короче и короче, что съ наступленіемъ каждаго новаго года мы все болѣе и болѣе приближаемся къ гробу, совершенно не зная того, что наступающій годъ можетъ быть послѣдній въ нашей жизни какъ истекшій былъ послѣднимъ для многихъ изъ среды нашей, которые вмѣстѣ съ нами встрѣчали прошедшій годъ, раздѣляя съ нами свои надежды и ожиданія. Думаю, что каждый заботящійся о душѣ своей, каждый сохраняющій въ душѣ своей память о загробной жизни, не останется равнодушнымъ къ подобному значенію имени одного года другимъ. Какъ я провелъ истекшій годъ? что я сдѣлалъ въ это время для души своей, и для загробной жизни? и что, если этотъ наступившій годъ будетъ послѣдній въ моей жизни?... Такіе и подобные вопросы естественно должны родиться въ душѣ человѣка—христіанина, заботящагося о своемъ спасеніи, должны возбудить въ душѣ каждаго изъ насъ тяжелое раздуміе о своемъ прошломъ и будущемъ. Предполагая таковое настроеніе въ душахъ нашихъ, св.

церковь, при переходѣ нашемъ изъ одного лѣта въ другое, помогаетъ намъ и въ молитвахъ своихъ испрашиваетъ для насъ *благословеніе* у Того, Кто въ своей власти положилъ времена и лѣта и Кто есть единый Властитель нашего будущаго.

Сообразно съ этою мыслию, св. церковь, зная наши слабости и удобопреклонность ко грѣху, въ своихъ пѣснопѣніяхъ и эктеніяхъ молебнаго пѣнія, которое сейчасъ услышите, прежде всего молится, призывая къ тому и насъ — «о еже милостивно мольбу недостойныхъ рабовъ своихъ въ пренебесный жертвенникъ пріяти... и простити всѣмъ людемъ вся согрѣшенія вольная и невольная, въ мимошедшемъ лѣтѣ содѣянная... о еже не помянути безчисленныхъ беззаконій и лукавыхъ дѣяній нашихъ, въ мимошедшемъ лѣтѣ бывшихъ, и не воздати намъ по дѣломъ нашимъ, но въ милости и щедротахъ помянути насъ»; потомъ, увѣренная въ неистощимомъ милосердіи Господнемъ, призываетъ насъ излить предъ престоломъ Его благодати благодарныя чувства за всѣ благодѣянія, явленные въ мимошедшемъ лѣтѣ: «благодаряще со страхомъ и трепетомъ, яко рабы непотребные, Твоему благоутробію, Спасе и Владыко нашъ Господи, о Твоихъ благодѣяніяхъ, яже изліялъ еси обильно на рабѣхъ твоихъ — припадаемъ и славословіе Тебѣ, яко Богу приносимъ»; наконецъ молить Владѣющаго временами и лѣтами «благословить начатокъ и прохождение наступающаго лѣта благодатию челоуѣколюбія своего... подати дожди благовременны, равни же и поздни, росу плодоносну, вѣтры мирны и благорастворенны, теплоту солнечную возсіяти... избавити же насъ въ сіе градущее лѣто и во вся дни живота нашего отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплемennыхъ и междоусобныя рати и отъ вся-

бія смертоносныя раны, скорби же и нужды». Не наши ли общія благожеланія слышатся въ этихъ молитвенныхъ благожеланіяхъ св. церкви? Но еще особенный предметъ моленія св. церкви въ настоящій день составляетъ благосостояніе св. вѣры нашей и ея высокаго защитника и покровителя—Благочестивѣйшаго Государя нашего. Здѣсь св. церковь взываетъ Вседержителю: «о еже помянути церковь св. Свою, укрѣпити, утвердити же, разширити и умирити ю и всеми навѣты видимыхъ и невидимыхъ враговъ непребориму на вѣки соблюсти... искоренити же и угасити все богохульное агарянское нечестіе и царство ихъ скоро разрушити и правобѣрнымъ предати... Благопоспѣшити же благочестивѣйшему Императору во всемъ и покорити подъ нозѣ Его всѣ христоненавистныя языки и всякаго врага и супостата» (Молебн. пѣн. въ нов. г.). Вотъ чѣмъ св. церковь предвѣщаетъ, исполняетъ и освящаетъ наши взаимныя благожеланія—*молитвою*, которая должна быть первымъ гимномъ нашей души своему Творцу и Промыслителю, первымъ даромъ Ему нашего признательнаго сердца при встрѣчѣ новаго года!

Да благословитъ же душа наша Господа, что Онъ, по милосердію Своему, не по беззаконіямъ нашимъ творилъ съ нами въ прошедшемъ лѣтѣ, и не по грѣхамъ нашимъ, которыми мы такъ часто оскорбляли Его, воздавалъ намъ, но призывалъ насъ къ покаянію и принималъ насъ кающихся, и изглаждалъ и очищалъ беззаконія наши и—еще даетъ время для дальнѣйшаго исправленія и преуспѣянія въ дѣлахъ вѣры и благочестія, въ подвигахъ любви къ ближнему и самоотверженія!

Да благословитъ душа наша Господа за всѣ неизреченныя милости, которыхъ мы удостоились въ истекшемъ

лѣтъ! О, коль многое множество благости своей явилъ Господь намъ недостойнымъ! Жизнь есть первый и драгоценнѣйшій даръ на землѣ,—и для многихъ изъ тѣхъ, которые встрѣчали съ нами прошлый годъ, не стало времени, тогда какъ мы, пощаженные рукою смерти, вступаемъ въ новое лѣто. *Сіе не отъ насъ—Божій даръ.* За тѣмъ все, чѣмъ пользовались мы въ жизни,—тоже дары руки Господней. Для жизни тѣлесной Онъ давалъ намъ дыханіе, свѣтъ, пищу, жилище и проч. (Псал. 135, 25, 134, 7); Онъ хранилъ наши тѣлесныя силы и ограждалъ здравіе тѣла нашего, подверженнаго немощамъ и болѣзнямъ, или исцѣлялъ насъ отъ постигавшихъ недуговъ и сохранялъ жизнь нашу отъ такихъ опасностей, которыхъ мы собственными силами не могли ни предвидѣть, ни предотвратить, ни одолѣть (Псал. 103, 28, 29.). Для жизни духовной—освѣщалъ свѣтомъ вѣденія науку и преимущественно свѣтомъ вѣры и своего божественнаго слова, питалъ наши души, оживлялъ и оживотворялъ благодатию св. Духа во св. таинствахъ и руководилъ ко спасенію сонмами небес. силъ. Для жизни гражданской—благословлялъ насъ тишиною, безопасностію и благостроеніемъ подъ мудрою и мощною десницею благочестивѣйшаго Государя нашего. Мы имѣли добрый успѣхъ въ дѣлахъ своихъ, видѣли благо для себя и для другихъ въ исполненіи своихъ обязанностей, наслаждались радостію и веселіемъ. Все это—дары Божіи!

Да благословляетъ душа наша Господа и за тѣ скорби и страданія, которыхъ кому изъ насъ пришлось испытать въ истекшемъ лѣтъ! Таковъ жребій человѣка въ настоящей жизни: на землѣ нѣтъ полного блаженства для человѣка, не можетъ быть для него и полной, ничемъ не возмутимой радости. Не легко было страдальцамъ переносить свои скорби,

тяжело было терпѣть бѣдствіе бѣдствующимъ; но и эти скорби и эти бѣдствія — *Божій даръ*. Господь наказуетъ насъ, но не отъ сердца (Плач. Іер. 3, 32), напаяетъ насъ слезами, но въ мѣру (Псал. 79, 6), посылаетъ на насъ скорби и болѣзни, но не превышающія наши силы (1 Кор. 10, 13). Пусть сами, испытавшіе на себѣ удары бѣдствій, пораженные скорбями и лишеніями, засвидѣтельствуютъ — совершенно ли безутѣшны и беспомощны они были среди самихъ тяжкихъ обстоятельствъ жизни, въ минуты самыя горькія? Не являлась ли часто въ затруднительныхъ обстоятельствахъ помощь оттуда, откуда всего менѣе можно было ожидать ее? Не было ли неожиданно подаваемо утѣшеніе тогда, когда болѣе всего имѣлась въ немъ нужда? Не осѣнялъ ли растерзанную скорбію душу особенный миръ Божій, послѣ чего не могли уже смущать ее никакія бѣдствія? Значить и таковыхъ страдальцевъ не забывалъ Господь, и можетъ быть на нихъ-то изливалъ еще большую милость свою, потому что скорби и страданія, которыми Господу благоугодно бываетъ посѣщать насъ (Евр. 12, 6) — самое дѣйствительное врачевство противъ грѣховныхъ нашихъ болѣзней, самое вѣрное средство оторвать сердца наши отъ земнаго и обратить къ небесному.

Да благословитъ же душа наша Господа, очищающаго вся беззаконія наша, исцѣляющаго вся недуги наша, избавляющаго отъ истлѣнія животъ нашъ, взыскающаго насъ милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желанія наша! Да благословитъ душа наша Господа, и вся внутренняя наша имя святое Его! Благослови душе моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его (Псал. 102, 1—5)! Такимъ молитвеннымъ возношеніемъ ума и сердца къ благодѣющему намъ Богу мы должны были

привѣтствовать начало наступившаго года, и это тѣмъ необходимѣе, тѣмъ спасительнѣе для насъ же самихъ, что мы не знаемъ, что ожидаетъ каждаго изъ насъ въ новомъ году. Все что видѣли мы въ мимошедшемъ лѣтѣ въ своей жизни и около себя, прошло и не возвратится. Но проживемъ ли мы наступившій годъ? Продлится ли далѣе счастье тѣхъ, которымъ нечего было желать, вромѣ продолженія своихъ радостей? Осушатся ли слезы тѣхъ, у которыхъ единственное желаніе — чтобы окончились ихъ страданія? Будетъ ли благораствореніе воздуха, дастъ ли земля съ избыткомъ плодъ свой дѣлателью, или не возвратитъ и того, что въ нее брошено? Прекратится ли желаннымъ миромъ продолжающаяся священная брань, или новый вихрь брани заставитъ зашататься новыя царства и народы? На всѣ эти и подобные вопросы одинъ отвѣтъ — не знаемъ, и никакая мудрость человѣческая не въ силахъ разрѣшить ихъ заранѣе. Все это вѣдаетъ одинъ Господь... Мы многое можемъ предполагать, но всѣмъ располагаетъ Онъ одинъ премудрымъ и всеблагимъ своимъ Промысломъ.

Отсюда — по мысли св. церкви и для блага каждаго изъ насъ и для блага всѣхъ ближнихъ нашихъ и для блага общаго — мы должны были предварить, а теперь — восполнить обычныя свои благожеланія молитвеннымъ возношеніемъ ума и сердца къ подателю всѣхъ благъ Богу.

Пусть же каждый, если того не дѣлалъ прежде, помолится теперь усердно за себя, да благословитъ Господь входъ его въ новое лѣто, да даруетъ ему, въ наступившемъ году, первѣе всего преуспѣаніе въ дѣлахъ вѣры и подвигахъ христіанской любви и благочестія, и потомъ да ущедритъ его всѣми благами небесными и земными!

Помолимся совокупною молитвою и другъ за друга — о здравіи и благоденствіи въ наступившемъ лѣтъ. Этою молитвою мы засвидѣтельствуемъ искренность всѣхъ своихъ высказываемыхъ благожеланій и будемъ способствовать исполненію ихъ. Вотъ здѣсь и я считаю умѣстнымъ выразить вамъ благожеланіе на наступившій новый годъ, которое вполнѣ по духу св. церкви: *желаю всемъ вамъ, братіе христіане, спасенія души*, потому что кто полагаетъ краеугольнымъ камнемъ всей своей жизнедѣятельности спасеніе своей души, — а это главная задача нашей земной жизни, — для того внѣшнее счастье, богатство, земныя отличія, достоинства и проч. дѣло второстепенное — или совершенно не нужны, или приходятъ сами собою, какъ праведное воздаяніе, которымъ Господь еще здѣсь на землѣ часто ущедряетъ вѣрныхъ рабовъ своихъ (Мате. 6, 33). Къ сожалѣнію, это самое первое и главное благожеланіе, которымъ освящаются и при которомъ имѣютъ смыслъ всѣ остальные наши благожеланія, не вошло въ обычай, или какъ говорятъ — не принято въ свѣтъ.....

Затѣмъ выразимъ молитвенное благожеланіе возлюбленному отечеству нашему, да даруетъ ему Господь въ наступившемъ году внутри — миръ, благостроеніе, благоденствіе, изобиліе, сохранить его отъ всякой скорби, нужды и бѣдствія, а извнѣ — да вѣнчаетъ его новою славою и честью, паче всѣхъ языкъ и племенъ!

Пошлемъ молитвенное привѣтствіе съ новымъ годомъ христіолюбивымъ, храбрымъ нашимъ воинамъ, вдали отъ насъ — на чужбинѣхъ переносящимъ всѣ невзгоды военно-боевой жизни, храбро борющихся съ природными преградами и поражающимъ враговъ креста Христова и неустрашимо жертвующимъ своею кровію и жизнью за св. дѣло, — чтобы

Господь поддержалъ въ нихъ неослабну, непребориму, побѣдительну же крѣпость и мужество съ храбростію на окончательное сокрушеніе враговъ и супостатовъ св. вѣры и церкви! О падшихъ на поляхъ брани продолжимъ свое моленіе, чтобы Господь простилъ имъ всѣ согрѣшенія ихъ и въ день праведнаго воздаянія воздалъ вѣнцы нетлѣвныя. А для изувѣченныхъ и раненыхъ, для осиротѣлыхъ семействъ пусть послужать поздравленіемъ съ новымъ годомъ новыя и новыя пожертвованія наши на облегченіе ихъ страданій и на утѣшеніе въ горькой долѣ!

Не забудемъ также послать молитвенное привѣтствіе съ новымъ годомъ и страждущимъ нашимъ братьямъ славянамъ, чтобы Господь поддержалъ и укрѣпилъ ихъ въ терпѣніи, внялъ ихъ вздохамъ и стонамъ и въ наступившемъ новомъ лѣтѣ отеръ кровавыя слезы отъ очей ихъ! Главнѣе же всего мы всеусердѣе вознесемъ сердечныя молитвы къ Царю царствующихъ о Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ и о всемъ Августѣйшемъ домѣ. О! да даруетъ Ему Господь новыя силы на новыя царственные подвиги, да увѣнчаетъ вождельнымъ успѣхомъ всѣ Его намѣренія, начинанія и дѣла рукъ Его, и да приложитъ Ему дни на дни, лѣта на лѣта ко благу не только нашему, но и ко благу угнѣтенныхъ и страждущихъ нашихъ братій о Христѣ, за которыхъ Онъ—миротлюбивый обнажилъ мечъ свой и которые въ Немъ одномъ видятъ опору своего благоустроенія и мира! Аминь.

Протоіерей Ал. Воскресенскій.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи кievской духовной академіи 12-го декабря 1877 года.

(Продолженіе) 1).

Рядъ дѣйствій, послѣдовавшихъ за воцареніемъ, оправдывалъ надежды друзей человѣчества. Каждое распоряженіе снимало какія-нибудь старыя оковы, открывало свободный путь къ новой и благотворной дѣятельности. Воспитанникъ Лагарпа, другъ просвѣщенія и свободы, врагъ этикета сказался вполне.

Обращено было вниманіе на народное образованіе: Екатерининскія главныя и малыя училища — преобразованы, первыя — въ гимназіи, вторыя — въ уѣздныя училища. Сверхъ того учреждены приходскія училища, готовились уставы университетовъ, и въ непродолжительномъ времени открыты университеты въ Казани и Харьковѣ, (гораздо позже въ Спб.) Коммиссія дух. училищъ приводила ихъ въ тотъ видъ, въ какомъ они существовали до послѣдняго времени. Дозволенъ впускъ иностранныхъ всякаго рода книгъ и нотъ; дозволены частныя типографіи; дано самое широкое поощреніе русской литературѣ, какъ оригинальной такъ и переводной, — и наконецъ изданъ знаменитый указъ, по которому права на средніе и высшіе чины, а слѣд. и должности поставлены въ зависимость отъ диплома среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній. До какой степени возбуждительно дѣйствовалъ личный примѣръ и образъ мыслей государя, видно изъ тѣхъ щедрыхъ пожертвованій, которыя посыпались отъ частныхъ лицъ, на дѣло народнаго образованія. Довольно

1) См. № 1-й „кiev. енарх. вѣд.“.

припомнить пожертвованія Демидова и Безбородки, обезпечившія открытіе и существованіе лицеевъ Ярославскаго и Нѣжинскаго.

Еще болѣе сдѣлано для свободы людей и въ частности для свободы нисшаго класса. Уничтожена тайная канцелярія, уничтожены пытки, возстановленъ законъ, освобождающій священниковъ и діаконовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Запрещено продавать крестьянъ безъ земли; изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ—первая проба отмѣны крѣпостнаго права; прекращена раздача крестьянскихъ душъ отъ царя сановникамъ, такъ сильно практиковавшаяся въ предъидущія царствованія. Вотъ что отвѣчалъ Государь одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ. «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы; считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастьи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность». До какой степени и тутъ—въ учрежденіи свободныхъ хлѣбопашцевъ—имѣли силу личные вкусы императора—показываетъ характерный отзывъ Державина, недѣлающій впрочемъ чести великому поэту. Именно Державинъ называетъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ выдумкою гр. Румянцева который сдѣлалъ-де это, «смію сказать, изъ подлой трусости, чтобы одолѣститься» къ государю, напоенному идеями Лагарпа. Много лѣтъ спустя, когда Александръ будучи въ Парижѣ, горячо возставалъ противъ торговли неграми, нѣкто позволилъ себѣ замѣтить, что въ Россіи существуетъ же крѣпостное право. Государь нѣсколько смутился, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ: «ваша правда! въ Россіи есть крѣпостные, но есть еще очень большая разница между ними и неграми: но я не хочу ссылаться на

это и объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено и что съ Божіею помощію оно прекратится еще въ мое правленіе».

Простота частной жизни государя была такъ велика, что на взглядъ стариковъ Екатерининскаго времени ею даже ронялось свойственное царю величіе. Не безъ намѣренія въ официальныхъ актахъ употреблялись выраженія: *отечества* въ смыслѣ верховной власти, *русскіе подданные*— вмѣсто—*наши подданные* и эти особенности съ напряженною чуткостію подмѣчались и друзьями свободы и друзьями стараго порядка. Были у имп. Александра и приближенные, Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгановъ,— въ послѣдствіи Сперанскій; но какъ существенно различны они отъ временщиковъ прежняго времени. Ни вкуса къ интригѣ, ни жажды къ наживѣ и отличіямъ, ни духа угодливости въ нихъ не замѣчалось. Первые четыре, составляя, какъ въ шутку выражался Александръ,— *comité du salut public*, не занимали видныхъ мѣстъ и не имѣли особенныхъ отличій (Новосильцевъ напр. украшался только Владиміромъ 4 ст.). Сперанскій въ своемъ Пермскомъ письмѣ могъ говорить объ эпохѣ своей приближенности къ государю, какъ о дѣлѣ прошломъ, въ такихъ выраженіяхъ: «во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги.... Во все время, какъ я пользовался

вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ очахъ вашихъ? На кого навелъ я какую-нибудь тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа въ благодати своей васъ одарили!» Пусть же примутъ благодарный привѣтъ потомство, добрые временщики первыхъ временъ Александрова царствованія!

Но мы не обозначили бы сущности политическихъ начинаній и Александра, если бы ограничились тѣмъ, что сказано. Конечно заботы о просвѣщеніи и улучшеніи быта подданныхъ—заботы весьма похвальные; но не въ этомъ было главное дѣло. Теорія Лагарпа и практика Павлова царствованія привели и Александра къ убѣжденію въ необходимости существенно измѣнить характеръ управленія, постановить въ основу правленія *законъ*, равно обязательный для правителя и для управляемыхъ и оградить отечество однажды навсегда отъ случая и произвола. Когда-то Александру было сказано, что его личность замѣняетъ конституцію и служитъ лучшею гарантіею для подданныхъ. Пусть такъ, возразилъ Александръ, но все-таки это будетъ только счастливая случайность. Желаніе выдвинуть на первый планъ *законъ* проявлялось весьма рѣзко и въ рѣчахъ государя и въ рѣчахъ его приближенныхъ. Въ официальномъ актѣ государь высказывался, что въ единомъ *законѣ* поставляетъ онъ начало и источникъ народнаго блаженства и удостовѣренъ, что всѣ мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но единый *законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки. «Не могу—однажды говорилъ государь, отказываясь исполнить какую-то просьбу,—и потому не могу,

«Что этому препятствуетъ нѣчто высшее меня, именно законъ». «Вы, государь, *выше закона*», — возражала просительница. — Я не признаю власти, которая бы не исходила отъ закона, — отвѣчалъ Александръ.

Въ понятіи о законѣ, которому подчиняется самъ государь, заключалась уже идея объ ограниченіи абсолютной монархіи. Форма этого ограниченія оставалась вопросомъ открытымъ, и учрежденіе государственнаго совѣта и министерствъ были первые шаги въ общей реформѣ управления. Что государственному совѣту на первыхъ порахъ придавалось существенное и реальное участіе въ управленіи, — это доказывается какъ выраженіемъ въ официальныхъ актахъ отъ имени государя: *въльзъ мнѣнію совѣта*, такъ равно хоть бы и слѣдующимъ притупомъ къ извѣстному мнѣнію Мордвинова объ эмбенскихъ водахъ: «Если разсуждать только къ одному отношенію къ самодержавной власти, — говорить Мордвиновъ, — конечно весьма легко рѣшить все дѣло. Неограниченную волю государя воды сіи отданы частному чловѣку; неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно: опредѣлить за нихъ вознагражденіе, большее или меньшее; или не опредѣлять никакого — зависитъ отъ его хотѣнія. Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость: въ семъ понятіи не было бы никакой нужды спрашивать у совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ какимъ образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть видомъ общественной пользы. Но я думаю и думать не престану, что государь, предлагая сіе дѣло совѣту, вопрошаетъ его не о благовидности, а о справедливости, и слѣдовательно желаетъ, чтобы вопросъ

сей былъ изслѣдованъ въ понятіяхъ правленія «монархическаго». Противуполагая монархію произволу, Мордвиновъ очевидно имѣлъ въ виду монархію, въ извѣстномъ отношеніи ограниченную.

Госуд. совѣтъ и министерства были только начатками преобразованій въ формѣ управленія; планъ общаго преобразованія не осуществился, и остался только на бумагѣ, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша. Окончательная редакція плана принадлежитъ Сперанскому; Сперанскій въ письмѣ къ Александру заявлялъ, что онъ давалъ только *систематическое расположеніе* идеямъ, занимавшимъ государя; самъ же государь впоследствии говорилъ, что Сперанскій развили — и притомъ невѣрно — мысли Лагарпа. Конечно нѣтъ возможности и надобности разграничивать, что въ этомъ планѣ принадлежитъ Лагарпу, что — Сперанскому, и что самому государю. Довольно сказать, что было время, когда этотъ планъ во всей цѣлости былъ принимаемъ государемъ, и если не осуществился сразу во всей полнотѣ, то единственно по свойственной Александру осторожности и изъ опасенія людей, которые были болѣе монархистами, чѣмъ самъ монархъ. — Даже въ настоящее время, чрезъ 70 почти лѣтъ послѣ написанія, проектъ поражаетъ насъ крайнею смѣлостію и рѣзкостію своихъ основоположеній.

«Къ чему — говорить проектъ, критикуя настоящій порядокъ управленія — къ чему служить законы, опредѣляющіе право собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Къ чему стараться просвѣтить раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другаго дѣйствія, кромѣ того, что оно заста-

вить его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія. Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ; и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ во мнѣніяхъ, только желаніемъ другаго правленія, желаніемъ, пожалуй неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ....

Въ основу реформы проэктъ ставитъ два положенія: 1) что основные законы государства должны быть дѣломъ націи 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти.

Въ главѣ *о духѣ органическихъ законовъ* излагается система учреждений, по отношенію къ которой государственный совѣтъ и министерства составляли только фрагментъ. По проэкту законодательство ввѣрялось *государственной думѣ*; судъ — *сенату*; администрація — *министерству*. Дѣйствіе этихъ трехъ учреждений соединяется въ государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ престолу. Государственная дума имѣла значеніе законодательнаго собранія, изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ. Дума должна была обсуждать законы, предлагаемыя правительствомъ, получать отчеты съ министровъ, и назначать сенаторовъ. Проэктъ предполагалъ особыя инстанціи, въ нисходящемъ порядкѣ а) *для законодательства*: губернская дума, уѣздная дума, волостная дума. б) *для суда*: губернской судъ, уѣздный судъ, волостной судъ. в) *для администраціи*: губернское управленіе, уѣздное управленіе, волостное управленіе.

По прочтеніи этаго проэкта у насъ возникаетъ представленіе, что въ началѣ правленія Александра существовалъ сильный и хорошо организованный заговоръ противъ правительственнаго абсолютизма. Хитрость этого заговора состояла между прочимъ въ томъ, чтобы провести переустрой-

ство учреждений по возможности незамѣтнымъ образомъ. Судя по преданіямъ прежнихъ царствованій, заговорщикамъ слѣдовало бы поплатиться ссылкой, если не чѣмъ либо худшимъ; но бѣда въ томъ, что во главѣ предпріятія стоялъ самъ молодой государь, а его ближайшіе совѣтники были только органомъ его идей. И мы невольно должны преклониться предъ великодушнымъ государемъ, слагавшимъ съ себя часть своихъ державныхъ правъ и желавшимъ поднести народу сладкій даръ свободы съ трогательною скромностію.

Далеко не все проектируемое осуществилось. — Нашлось не мало людей, которымъ хорошо жилось и при старыхъ порядкахъ, которые боялись переменъ; и выразителемъ мнѣнія такихъ людей явился краснорѣчивый Карамзинъ съ своею запискою о *старой и новой Россіи*. Карамзинъ выражалъ общій голосъ народа русскаго, который привыкъ управляться патріархально, до видѣть гарантію для себя въ личномъ благодушнѣйшемъ государяши и вѣрить, что Богъ, спасавшій Россію прежде и поспылавшій ей добрыхъ государей, пошлетъ таковыхъ же и на будущее время. «Кто вѣритъ Провидѣнію, — говоритъ Карамзинъ, — да видитъ въ зломъ самодержцѣ и бичъ гнѣва небснаго! Семейство его какъ бурю, землетрясеніе, язву, — феномены страшныя, но рѣдкія: ибо мы въ теченіи 9 вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ. . .»

Возраженіе Карамзина конечно не было новостью для Александра. Онъ зналъ традиціонную привязанность русскихъ къ самодержавію; мало этого — кромѣ религіозныхъ мотивовъ видѣлъ въ ней и социальную основу. «Я нахожу въ Россіи» говоритъ проектъ Сперанскаго, «только два сословія: это рабы верховной власти и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ: въ дѣй-

ствительности въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ. Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это тѣ отношенія въ которыхъ поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены: интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ. Престолъ всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ. — Религіозный мотивъ въ пользу абсолютнаго самодержанія — быть можетъ — и не представлялся Александру рѣшительнымъ возраженіемъ противъ его намѣреній. Государь могъ думать, что промыслъ Божій, покровительствовавшій Россіи при монархахъ абсолютныхъ, не престанетъ покровительствовать и при монархахъ конституціонныхъ. Но практическія затрудненія, указанна Карамзинымъ, были предъусмотрѣны и въ *прозѣ*, не нашли себѣ подлежащаго разрѣшенія и конечно были главною причиною, почему дѣло затянулось. — «Бому дадимъ право блюсти неприкосновенность закона? вопрошаетъ Карамзинъ. «Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ — захотятъ спорить съ нимъ о власти. Далѣе: что сдѣлають сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, — объявятъ ли его преступникомъ? возмутятъ ли народъ? Всякое доброе сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Пусть этотъ случай немислимъ въ приложеніи къ самому Александру. Но «если онъ предприметъ власти какой либо уставъ, будетъ ли его клятва уздою для его преемниковъ, безъ другихъ способовъ, невозможныхъ или опасныхъ для Россіи?»

Возраженія Карамзина были предъявлены въ то время, когда шумъ бранныхъ тревогъ уже увлекъ государя въ міръ другихъ заботъ и отношеній. Мы не можемъ и не имѣемъ цѣлю слѣдить ходъ наполеоновскихъ войнъ; для насъ важно выяснитъ общій итогъ ихъ по отношенію къ внутренней жизни государя и показать, какимъ образомъ случилось, что наполеоновскія войны провели рѣзкую черту и въ психической жизни Александра и въ характеръ его царствованія.

(Окончаніе будетъ).

НА ПАМЯТЬ О НАШИХЪ ГЕРОЯХЪ.

(НА НОВЫЙ ГОДЪ — ДѢТЯМЪ УБИТЫХЪ ЗАСТУПНИКОВЪ).

Н а п у т и.

Опять я въ дорогу... Конекъ-паровозъ,
 Среди молодецкаго свиста,
 Слегка понатужился — тронулъ — повезъ —
 Послушный ругъ машиниста.
 По гладенькой сѣткѣ изъ рельсовъ и шпаль
 Такъ гибко, красиво онъ вьется,
 Волнистую гриву свою разметалъ
 И шумно стрѣлою несется.
 Мелькаютъ столбы; тамъ сторожки съ боковъ,
 Немного побольше шкафа;
 И молча, нахохлившись, тьма воробьевъ
 Услась на нить телеграфа.

Въ поляхъ ни души; по знакомымъ мѣстамъ
 Слѣжу я разсѣяннымъ глазомъ,
 И думаю грустно: ахъ, что теперь тамъ,
 За грознымъ Дунаемъ, Кавказомъ!
 Вотъ мнѣ здѣсь въ вагонѣ покойно, тепло;
 А какъ тамъ солдатамъ на Шибѣ!
 И сколько ихъ тамъ какъ рукою сняло
 Отъ бурной и огненной сшибки!
 А какъ тамъ въ траншеяхъ проводятъ всю ночь—
 Ночь зимнюю, долгую, въ стужу,
 Гдѣ съ каждой минутой душа летитъ прочь,
 Чуть только ты встанешь наружу!...
 Мы все любопытствуемъ, вѣтъ-ли побѣдъ,
 И судимъ и ропщемъ отчасти,
 Подумаль-бы строгій судья-домосѣдъ,
 Какія столпились тамъ страсти!
 Ненастье и ливень, морозы и снѣгъ,
 Въ горахъ— гололедица, вьюга,
 И раненыхъ сотни и сотни телѣгъ,
 И корчи отъ ранъ и недуга.
 А сколько-жъ еще закаленныхъ ребятъ
 Отъ холода пальцы таращатъ,
 А все-жъ стерегутъ, неотступно стоятъ,
 Пока замороженныхъ стащатъ!
 Ахъ, я ужъ готовъ-бы какъ сборщикъ ходить.
 Готовъ-бы пойти въ попрошайки
 И всѣхъ надрывающимъ воплемъ молить:
 Тулупы, чулочки, фуфайки!...
 Вотъ снова летитъ туда побѣздъ солдатъ,
 И, шапку снимая неволью,
 Шепчу я: «Богъ въ помощь вамъ, братцы!» Летятъ...
 И какъ мнѣ тоскливо и больно!

Серьезные, тихіе,—молча почти,
 Спѣшать къ голубому Дунаю;
 Кого-то изъ нихъ на обратномъ пути
 Хоть мелькомъ опять повстрѣчаю!
 Лечу я за ними упорной мечтой:
 Сажусь я въ вагончикъ закрытый,
 Въ холодномъ углу, на скамейкѣ простой,
 Въ шинелишкѣ вѣтромъ подбитой;
 Смотрю за лошадкой, даю ей сѣнца,
 Прилягу и самъ на поповѣ;
 Версть тысячу ѣду,—все-пусть безъ конца,
 И жутко въ товарномъ вагонѣ!
 Нѣтъ, этакъ неладно: и много хлопотъ,
 И долго въ пути посмучаемъ.
 Беру я солдатъ на коверъ-самолетъ,
 И вотъ ужъ мы тамъ, за Дунаемъ?

II.

У С В О И Х Ъ.

Здѣсь только летать лишь—такая пора;
 Дороги—ходи-ка потише;
 Трущобы, холмы, за горою гора,
 Ходячаго облака выше.
 Въ просвѣтъ туманной густой синевы—
 Землянки, безверхія хаты,
 Телѣги, костры, батареи и рвы,
 И всюду—солдаты, солдаты!
 Здорово, родные! челомъ я вамъ бью,
 И въ поясъ поклонъ вашей чести;
 Съ какою отрадой привѣтъ вамъ даю—
 И каждому порознь и вмѣстѣ!

Межь вами ни братьевъ моихъ, ни сестеръ,
 А какъ вы мнѣ дороги, дружи!
 Предъ вашимъ трудомъ опускаючи взоръ,
 Пошолъ-бы въ послѣдніе слуги!
 Хранители наши!—зову безъ имени,
 Чтобъ мнѣ не забыть кого-либо,
 Отъ цѣлой Россіи вамъ честь и поклонъ,
 И вотъ ужъ какое спасибо!
 И дальше лечу я.. Вотъ съ поля рѣзни
 Безногихъ спасаетъ безрукой;
 Вотъ трупы лежатъ какъ ужасны они,
 Съ застывшей предсмертною мукой!
 И всюду могилы, вблизи и вдали,
 Огромною вьются семьею;
 Одинъ на другомъ въ нихъ солдаты легли,
 Засыпаны чуждой землею...
 Земные-жъ поклоны вамъ, братья, отцы,
 Отъ всякаго русскаго сердца;
 Для насъ вы не только герои-бойцы,
 Вы—мученики изувѣрца!...
 Лечу я на горы, несусь по лѣсамъ,
 Влетаю подъ низкую крышу;
 И сколько я вижу подвижниковъ тамъ,
 И сколько ихъ подвиговъ слышу!
 Не надо ронять намъ изъ памяти ихъ:
 Они—наша честь и веселье;
 И вотъ я изъ дѣлъ ихъ и словъ дорогихъ
 Нижу да нижу ожерелье;
 Вотъ двѣсти казаковъ, взявъ двѣсти солдатъ,
 Въ стременахъ, обнявшись, стойки,
 Самъ-другъ на лошади вереть сотню летать,
 Летать небывалыя тройки!

Вотъ Янтра; на ней, у крутыхъ береговъ,
 Наслѣдникъ стоялъ на сторожѣ,
 Считаая защиту своихъ отъ враговъ,
 И самой побѣды дороже.
 Здѣсь Дѣти Царя сторожили солдатъ,
 Стоявшихъ предъ тяжкою Плевной,
 И бились побѣдно: и вотъ на-попятъ
 Ушелъ Сулейманъ отъ нихъ гнѣвный.
 Вотъ Шибка, гдѣ каждый солдатъ сторожить
 Честь родины нашей свободной;
 Тамъ знамя Россіи высоко парить,
 Какъ знамя свободы народной.
 Вся Шибка въ огняхъ и горить и блестить,
 Свѣтлѣе Рождественской елки;
 Вотъ вражья граната зловѣще свиститъ,
 И рвется кругомъ на осколки.
 Израненъ Григорьевъ—и кровь по всему:
 Стоитъ онъ недвижно и смѣло,
 Громить изъ орудья, а раны ему
 Какъ будто пушашное дѣло.
 Вдругъ бомба горячая шастъ на людей:
 Признаться—надѣлала страху;
 Летитъ Фейгенбаумъ, схватили поскорѣй—
 Въ оврагъ молодецки съ размаху!
 И часто имъ, послѣ такой вутермы,
 Случалось уснуть на биванѣ,
 И быстро, среди поражающей тьмы,
 Подняться на встрѣчу атакъ.
 Но сердце Царицы согрѣло бойцовъ,
 И перевязало имъ раны,
 И скоро, быть можетъ, походъ удалцовъ
 Начнется опять за Балканы!

Я къ Скобелеву полечу на поклонъ;
 И полемя, горой и дубравой
 Любимца ишу я долгою... вотъ онъ,
 Блистательный, ясный и бравой!
 Спокойно онъ держитъ военный совѣтъ
 Съ солдатами въ тѣсной траншеѣ,
 Самъ учить стрѣлять ихъ, самъ ставить секретъ,
 Чтобъ турка свалить повѣрнѣе.
 И вотъ ужъ летитъ средь опаснѣйшихъ мѣстъ,
 И жизнью солдатскою дышетъ,
 Храбрѣйшимъ изъ нихъ шлетъ Георгія крестъ,
 И письма къ нимъ дружески пишетъ.
 Кто Скобелева въ бою разъ увидалъ,
 Тотъ полонъ восторга безъ мѣры!
 И что приобрѣлъ нашъ герой-генералъ
 Любви, уваженья и вѣры!
 Разъ терскій казакъ въ попыхахъ говорилъ,
 Что Скобелевъ раненъ подъ Плевной:
 И плакалъ казакъ, и стоналъ, и грустилъ
 Тоскою родной, задушевной!
 Но первый-же Скобелевъ въ тылъ за врагомъ
 Побѣдно направилъ усилія:
 И Бѣль-генералъ уже Бѣлымъ Орломъ
 Расширилъ надъ Плевною крылья!
 Я дальше лечу; что ни шагъ почитай
 Дивлюся труду человѣчью:
 И въ гору дерися, и путь пробивай,
 И пушки тащи подъ картечью.
 На горкѣ—редуть неприступный... и вдругъ
 «Ура!» тамъ разносится гулко,
 Пошла трескотня, схватилъ турокъ испугъ:
 Смекай—появился тамъ Гурко!

Орелъ забалканскій, онъ въ горы плыветъ,
 Въ глубокомъ молчаніи рѣветъ,
 И вѣчно онъ турокъ вдругъ въ тылъ обойдетъ,
 И грянетъ, и вѣтромъ развѣетъ!

Вернулся, глядитъ—не ахти барыши;
 Еще разъ онъ гвардію двинулъ,—
 И хлѣба кусокъ у Османа паши
 Какъ будто-бы йзо-рту вынулъ!

А тамъ крутизна, что взойти нѣту силъ,—
 Солдатики тацать орудье:
 Умаялись шибко, потъ градомъ батилъ,
 И стало вздохнуть малолюде.

Спѣшать къ нимъ на помощь: эй, стой, старичье!
 Дай пушку—вамъ духу прибавимъ.
 «Ну, нѣтъ! не дадимъ: мы тацили ее,
 Мы сами ее и поставимъ!»

Кто, братцы, въ охотники? кличетъ посоль:
 Есть на ночь большая работа!
 На этотъ призывъ капитанъ подошелъ
 И молвилъ вдругъ: «я и вся рота!»

Тамъ батюшкѣ молвятъ—опасно ему,—
 Идетъ съ авангардомъ не труся:
 «На все воля Божья; авось я кому
 Изъ раненыхъ здѣсь пригожуся».

За пѣшимъ вотъ гонятся турки... «Землякъ!»
 Зоветъ его кто-то тихонько;
 Землякъ оглядѣлся—за камнемъ казакъ
 Изранный манитъ легонько.

Лежить онъ разбитый,—лошадка въ яру,
 И шепчетъ казакъ холодѣя:
 «Бери мою лошадь,—я тутъ ужь помру,
 А ты, братъ, спасайся скорѣе!»

Никто въ этой честной, священной войнѣ

Не дышетъ тщеславьемъ и фарсомъ!

И ярко еще вспоминается мнѣ

Какой-то фельдфебель подь Карсомъ.

Пробить шестью пулями, палецъ какъ бревно,

Въ великую ночь его сдачи,

Крестясь, передъ смертью, промолвилъ одно:

«Дай, Господи, нашимъ удачи!»

О, Матушка-Русь! дорожи и гордись

Послушнымъ и добрымъ солдатомъ;

На этихъ же—раненыхъ—просто молись,

Нѣтъ счету ихъ мукамъ, утратамъ!

Вотъ тянется поѣздъ; вдругъ вьюга, морозъ:

Какъ стонуть страдальцы отъ боли!

Свирѣпствуетъ вьюга... застрянулъ обозъ...

И всѣ замерзаютъ на полѣ!

Лечу въ лазареты; тамъ нашихъ врачей

Работаютъ ловкіе пальцы,

Съ зари до зари, надъ тѣлами гостей:

И вотъ—веселятъ страдальцы!

Въ грудь ранень солдатъ, и сестра чѣмъ-нибудь

Изъ чашечки кормить какъ внучка;

«Сестрица! ты чашку поставь мнѣ на грудь,—

А то заболитъ твоя ручка!»

Другой, полусидя на койкѣ своей,

Самъ ложкою кормить сосѣда—

Врига, съ кѣмъ онъ дрался за нѣсколько дней,

Съ нимъ дѣлится долей обѣда.

«Покушай-вотъ кашки, сердечный ты мой!

Тебя зацѣпилъ я вонъ сколько!

Что дѣлать-то! грѣхъ ужь случился такой:

Война... Воля Божья—и телько!

А ты ужь прости, не сердись ничего!
 Охъ, всё-то мы люди на свѣтѣ,
 И всё человѣки, и всё одного
 Отца мы Небеснаго дѣти!»
 Тотъ доктора молитъ: «лечи-ка другихъ,
 А мнѣ ужь ждать смертнаго часа;
 Буда ужь мнѣ жить-то, при ранахъ моихъ—
 Безъ груди, безъ реберь, безъ мяса!»
 А тотъ какъ разбить! изъ его головы
 Мозгъ выступилъ, весь на примѣтѣ;
 Но онъ разсуждаетъ, и спросите вы:
 Что-жь, ладно-ль тебѣ въ лазаретѣ?
 «Да какъ-же не ладно: вѣдь *намъ* верхъ»? Ну, да!
 «И ладно!.. Лежу я—вотъ жалость!
 А дастъ Богъ, поправлюсь, опять я туда!
 Должокъ—поцарапани жалость!»
 И вьются что день вѣтерочкомъ живымъ
 Ланцеты и пилочки востры;
 И солнышкомъ яснымъ надъ каждымъ
 Сіяють и радуютъ сестры.
 Сестра перевязетъ, сестра бережетъ,
 Сестра на всю ночь къ изголовью,
 Сестра утѣшаетъ, сестра стережетъ,
 И очи закроетъ съ любовью.
 Но мнѣ и не счастье вамъ, не то передать
 О нашихъ герояхъ сердечныхъ;
 Ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать
 Всѣхъ подвиговъ ихъ, безконечныхъ.
 Ни мнѣ говорить, ни вамъ слушать не лѣнь
 О всемъ, что въ нихъ любви честно;
 А сколько-жь такого, что намъ по сей день
 Еще никому неизвѣстно!

Но то, что узналъ я о дѣлѣ святомъ,
 Дивуясь героямъ повсюду,
 Напомню еще разъ, хоть блѣднымъ стихомъ,
 Для памяти русскому люду:
 Напомню всѣмъ старымъ — въ отраду души,
 Всѣмъ молодцамъ добрымъ — на славу,
 Благимъ матерямъ — на молитву въ тиши,
 А дѣтушкамъ малымъ — по-нраву!

Ш.

У друзей и враговъ.

Лечу въ Черногорію, къ братьямъ своимъ,
 Къ союзникамъ вѣрнымъ, героямъ,
 Что крѣпко противятся туркамъ лихимъ,
 Какъ твердый утесъ всѣмъ прибоямъ!
 Привѣтъ и поклонъ вамъ на вашихъ горахъ,
 Родные брны — черногорцы!
 Въ атакѣ, въ засадѣ, въ бою на скалахъ —
 Прямые вездѣ чудотворцы!
 Безъ пушекъ берете вы крѣпости тамъ,
 Безъ ружьевъ — поближе — ножами,
 Безъ пищи деретесь по днямъ и ночамъ:
 И вѣчно побѣда за вами!
 И чтимъ мы васъ всѣхъ — богатырскую рать,
 Съ восторгомъ толкуемъ въ бесѣдахъ;
 И весель нашъ кликъ: молодцы! исполать!
 При вѣсти о вашихъ побѣдахъ.
 Ужь какъ намъ для милыхъ и вѣрныхъ друзей
 Хотѣлось-бы всѣмъ постараться —
 И хлѣбомъ, и солью, и лептой своей, —
 Да трудно до васъ-то пробраться!

Когда-то сойдется вы съ нашими тамъ,

Да грянете разомъ на турка,

Чтобъ онъ убирался подалеѣ къ звѣрамъ

И сгинулъ какъ вѣщій каурка!

Вѣдь душу воротятъ рассказы о томъ,

Что дѣлають эти убійцы,

Какъ раненыхъ нашихъ терзають живьемъ,

Уродуютъ ихъ, бровейцы!

Разъ какъ-то нашли тамъ во рву одного

Израненного офицера,

Отрѣзали уши и носъ у него,

Пустили къ своимъ для примѣра.

Но тотчасъ догнали страдальца опять,

Отрѣзали руку больную, —

И снова пустили, заставивъ обѣжать, —

Настигли, отсѣкли другую.

Пустили.... догнали, свалили его,

Таскали по камнямъ дороги,

И съ ревомъ звѣрей, въ совершенъе всего,

Отсѣкли ему обѣ ноги!

Лежить онъ, несчастный, совсѣмъ окорнанъ...

Что вытерпѣлъ онъ, умирая!

Ахъ, крикъ его сердца и вопли отъ ранъ —

Ты слышишь ли, мать родная?!

Тамъ раненыхъ нашихъ, измучивъ въ рѣзнь,

Живыми сожгли въ госпиталь...

Но нѣтъ, невтерпежь ужъ становится мнѣ, —

Подалѣ отсюда, подалѣ!..

IV.

Б ъ с о с ѣ д у.

Опять я въ вагонѣ.... Конекъ-паровозъ

Несется побѣжкой игривой,

Свистить, и грохочеть, и дразнить морозъ

То бѣлой, то черною гривой.

Напротивъ меня помѣстился съ сыномъ

Сосѣдъ, здоровякъ краснощекий,

Съ двумя чемоданами, связкой, кулькомъ,

Съ пуховой подушкой широкой.

Разлегся сосѣдъ на сидѣнны тройномъ,

Пружиной легонько трясется.

—Сосѣдъ, потолкуемъ о дѣлѣ родномъ,

Чѣмъ сердце у всякаго бьется.

Собрали-ль у васъ для солдатъ капиталъ?

И есть-ли у васъ имъ больницы?

И сколько страдальцевъ Господь вамъ послалъ?

И служатъ-ли братьямъ сестрицы?—

Сосѣдъ промычалъ мнѣ, себя безъ числа

Широкимъ крестомъ осѣняя:

«Да что толковать-то: не наши дѣла!»

И снова крестился, зѣвая.

Ну, книжку купи для прочета. «О чемъ?»

Да вотъ про войну. «Недосужно!»

А книжка занятная—бають. «Почомъ?»

Да десять копѣекъ. «Ненужно!»

Купи для сынишки,—чай, любить читать.

«Неграмотенъ». Я прочитаю.

«Поди, не при насъ это писано, чать;

Да я вотъ вздремнуть полагаю».

Для раненыхъ это, чтобъ имъ помогать.
 «А, раненъ! а я что причиною?
 «И нешто ихъ я посылалъ воевать?
 «Глядѣль-бы за рѣднымъ дѣтиной».
 Да все жъ онъ—несчастный! Будь людямъ отцомъ—
 Пожертвуй. — «Ужъ мы помогали!»
 Ну, просимъ прощенья!... Поникъ я лицомъ
 И думалъ въ невольной печали:
 Да что наша помочь! рублишко, ну-два,
 И рѣдко кто это удвоить;
 А тамъ вотъ, какъ скатится съ плечъ голова:
 Смекни-ка, чего она стоитъ!...
 Страна стоитъ крѣпко лишь только тогда,
 Какъ граждане есть въ ней!... Бывало,
 Что всѣ богачи снаряжали суда,
 Какъ власть ихъ на помощь сзывала.
 Такъ было у древнихъ. А гдѣ-же у насъ
 Подобные имъ патриоты?
 У насъ походи, поклонися не разъ—
 Немного прикинешь на счеты.
 Прочти имъ, какъ нашимъ пришлось страдать,—
 Всѣ скажутъ: «ахъ, страшное дѣло!»
 Утрутъ и слезинку,—а помочи дать
 Имъ скучно, или надоѣло!
 А мы-ль не могли бы—одинъ-другой край,
 Боли не отдѣльные лица,—
 Построить дороги,—мосты чрезъ Дунай,
 Чтобъ ближе была къ намъ граница?
 Аль мы не могли-бъ пароходъ снарядить,
 Чтобъ вѣсточки слать имъ почаще,
 И честныхъ заступниковъ въ пору кормить,
 Беречь, утѣшать ихъ послаще?...

А мы утомились добромъ грошевымъ!
 Ахъ, други, какимъ подааньемъ
 Сравнимся мы съ братскимъ трудомъ боевымъ,
 Съ ихъ тяжкимъ и долгимъ страданьемъ!
 Разъ подалъ ты братьямъ—и замеръ какъ пень,
 А снова помочь имъ—вздыхаешь;
 Себѣ же—что вздумалъ, и въ карты что день—
 Чай, рубликовъ пять проиграешь.
 На рубль ты помощникъ *такого* труда!
 Попалъ-же ты въ самую точку!
 Пошелъ-бы ты самъ на недельку туда,
 Провелъ-бы тамъ зимнюю ночьку,
 Да легъ-бы подъ небомъ, на грозныхъ скалахъ,
 Подъ часъ—на сырую землю;
 Да весь исковерканный въ разныхъ дѣлахъ,
 Вернулся-бы въ намъ ты въ больницу.
 Глядь—рана въ боку, тамъ ноги не ищи,
 Тамъ плечико пулей задѣто,
 Тамъ челюсть разбило, хоть просто свичи:
 А мы-бъ тебѣ рубликъ за это.
 Голубчикъ! спасибо сказалъ-бы ты намъ?
 Такъ чтожь о другихъ не хлопчешь?
 Или же добро лишь по Божьимъ церквамъ
 По своему дѣлать ты хочешь?
 Ты, можетъ, льешь колоколь въ сотни пудовъ,
 Воркунь мой, голубчикъ мой сизой,
 И все украшаешь ты рядъ образовъ
 Богатую кованицю ризой.
 Ахъ, нужно умѣть и добро сотворить,
 Чтобъ было и внору и нетати;
 Нѣтъ лучше—какъ помощь страдальцамъ явить,
 По слову самой Благодати.

Ужель ты не вѣдаешь рѣчи святой,
 Что истый храмъ Божій — твой ближній?
 Ему помоги ты, его успокой,
 Въ судьбѣ его многоподвижной.
 Вотъ онъ покатыль воевать — помирать
 За насъ и за общее дѣло.
 А мы-то должны помогать — помогать
 Любовно, сердечно, всецѣло.
 Защитнику самъ ты защитой служи,
 Покуда тамъ лягву онъ тѣнетъ;
 Не бойся убытка: придуть барыши.
 И солнышко въ душу заглянетъ.
 Не можешь ты самъ, при достаткѣ своемъ,
 Утѣшить калѣву-солдата,
 Другихъ пригласи, и по братски, втроемъ,
 Спаси хоть единого брата!
 Слеза благодарная ярче горить,
 Чѣмъ самый алмазь на иконѣ,
 Быстрѣ луча она къ Богу летить,
 И блещетъ на Божиємъ лонѣ...
 А дай-ка я, это сосѣду скажу;
 Коли-бъ полюбилась бесѣда!
 Я подвяль глаза, и смущенный гляжу:
 Ужь сномя одолѣю сосѣда.
 А все-жь я пускаю ее въ обороть,
 Въ надеждѣ, что коникъ желѣзный
 И въ Курскъ, и въ Москву, въ самый Питерь свезетъ,
 На помочь семействъ болѣзной.
 Я знаю, стихомъ неумѣлымъ своимъ
 Плохой я работникъ искусству;
 Но можетъ, хоть словомъ сердечнымъ однимъ
 Отвѣчу народному чувству.

Согрѣй же, о Господи, слово въ народъ
 Своей благодатью великой;
 Изъ малаго зернышка вырасти плодъ
 И тѣнь надъ инымъ горемыкой.
 Пускай оботретъ кому каплю слезы,
 Кому кусокъ хлѣбца добудеть!...
 Лети же, конекъ, и мой стихъ развози,
 И Богъ тебѣ въ помощь да будетъ!...

Я вышелъ. Какъ прежде помчался конекъ,
 Не труся погодки бурливой;
 И яркія искры пустилъ подъ шумокъ
 Разсыпчатой огненной гривой.
 Ахъ, еслибъ тѣ искры да золотомъ взять,
 Да братьямъ безрукимъ, безногимъ:
 Авось, я не сталъ-бы по гривнѣ собирать
 За книжки по нашимъ дорогамъ...

17 декабря 1877 г.
 Конотоль.

С. Пономаревъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на 1878 г. на журналъ

„ГРАЖДАНИНЪ“

(52 №№ въ годъ)

и

„РУССКІЙ СБОРНИКЪ“

(2 тома въ годъ).

1. Въ 1878 году газета-журналъ «Гражданинъ» будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и выходить каждую недѣлю

по воскресеньямъ, какъ и въ 1877. Журналъ будетъ издаваться по известной уже программѣ.

2. «Русскій Сборникъ» же *составляетъ безплатное приложение къ «Гражданину»*, выходитъ два раза въ годъ (книгами отъ 20 печатныхъ листовъ съ иллюстраціями): I т. въ февралѣ, а II томъ въ октябрѣ (разсылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ на «Гражданинъ» немедленно по выходѣ въ свѣтъ) и заключаетъ въ себѣ собраніе тѣхъ статей (оригинальныхъ и переводныхъ—изъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, *славянскихъ* и т. п. журналовъ и книгъ), которыя по объему и характеру своему не могли войти въ еженедѣльный журналъ.

3. При «Гражданинѣ» *ежемесячно* будетъ *безплатно* разсылаться всѣмъ подписчикамъ на «Гражданинъ» «*Книжный Листокъ*» (12 выпусковъ въ годъ), въ коемъ будутъ помѣщаться: а) ежемѣсячные отчеты обо всѣхъ заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ и б) справочные каталоги о книгахъ, поступающихъ въ продажу *при книжномъ складѣ редакціи*.

4. Всѣмъ годовымъ подписчикамъ на 1878 г. съ 1 № будетъ *безплатно* разслана книга (болѣе 20 печ. листовъ значительнаго формата): «*Восточный Вопросъ прошедшаго и настоящаго. Защита Россіи*». Соч. сэра Дж. Г. Т. Синклера, баронета, члена англійскаго парламента, переводъ ред. *В. Θ. Пуцыковича*. (Въ этомъ остроумномъ и интереснѣйшемъ сочинѣніи, посвященномъ авторомъ «Великой русской націи и турецкимъ христіанамъ», обратившемъ на себя вниманіе всемірной печати и признанномъ многими, не исключая иныхъ туркофильскихъ еврейскихъ журналовъ,

«Руководство къ Восточному вопросу», авторъ сообщаетъ цѣлыя массы любопытнѣйшихъ и поучительныхъ фактовъ и мнѣній великихъ и знаменитыхъ людей касательно Восточ. вопроса; съ самымъ горячимъ сочувствіемъ относится къ страдающимъ подъ турецкимъ игомъ христіанъ, освободителямъ ихъ русскимъ, и требуетъ полнаго освобожденія славянъ и вообще всѣхъ христіанъ, а также—самаго широкаго вознагражденія Россіи за ея военные убытки).

5. Всѣ подписчики на 1878 г., независимо отъ этихъ приложений къ журналу, бесплатно получаютъ съ 7 № на 1878 г. два тома романа князя В. П. Мещерскаго: «Тайны Современнаго Петербурга»: *Въ царствѣ Венеры и Развязка.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (*Надеждинская, 24., кв. 1*) или при книжномъ магазинѣ *А. Я. Исакова* (Гостинный дворъ, № 24), а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ *И. Т. Соловьева, Васильева и Живарева.* Иногородные адресуются *исключительно* въ С.-Петербургъ: *въ редакцію журнала «Гражданинъ».*

Подписная цѣна за всѣ изданія прежняя:

На годъ безъ доставки 7 р.
съ доставкою и пересылкою 8 р.

«*съ перес. за границу*» 10 р.

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія въ домствахъ, воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній и волостныхъ правленій редація *понижаетъ* подписную цѣну до 8 р. на годъ за всѣ изданія, и не только при подпискѣ на годъ. Этимъ же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, *бесплатно* *обучающіе* въ народныхъ

школахъ, а также священно-церковно-служители бывшихъ униатскихъ приходовъ. Для народныхъ учителей и училищъ, воспитанниковъ уч. зав., волостныхъ привлений, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается (тоже лишь при подпискѣ на годъ) разсрочка въ платежѣ подписной суммы—съ платой за каждую четверть года или каждые три мѣсяца *впередъ* по 2 р., причѣмъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

При редакціи «Гражданина» открытъ книжный складъ, изъ котораго можно выписывать всякаго рода книги какъ изданія редакціи и ея сотрудниковъ, такъ и всякихъ авторовъ и книгопродавцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДАМСКІЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЬ

(издаваемый торговымъ домомъ модныхъ вещей и бѣлья А. Тарочешникова, поставщика двора ея императорскаго высочества великой княгини Александры Петровны)

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“;

съ бесплатной преміей,

состоящей изъ 12-ти художеств. литографированныхъ портретовъ русскихъ героевъ современной войны; эти портреты слѣдующіе: 1) г. Скобелевъ. 2) Гурко. 3) Тергукасовъ. 4) Обручевъ. 5) Драгомировъ. 6) Лазаревъ. 7) Радецкій. 8) Лорисъ-Меликовъ. 9) Тотлебенъ. 10) Дубасовъ. 11) Шестаковъ и 12) Гейманъ.

Съ 1-го сентября 1877 года журналъ вступилъ въ шестой годъ своего изданія по улучшенной программѣ и будетъ выходить 1-го и 15-го числа и заключаетъ въ себѣ до тысячи литографированныхъ рисунковъ въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья, для которыхъ прилагываются 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ годъ и до 200 нарисованныхъ на отдѣльномъ листѣ въ ростъ человека; рисунки эти берутся съ парижскихъ моделей и еще изъ 20 слѣдующихъ самихъ лучшихъ французскихъ изданій: «Aquarelle-mode», «Elegance parisienne», «Mode artistique», «Moniteur de la mode», «Haute nouveauté de Paris», «Mode actuelle», «Lingère parisienne», «Bon ton», «Courrier de la mode», «Gazette rase», «Dernière mode», «Printemps», «Modes parisiennes», «Journal de coiffeurs», «Mode françaises», «Journal des dames et des demoiselles», «Mode de Paris или Illustrateur des dames» и специальный англійскій журналъ дѣтскихъ модъ «Boys and Girls»; изъ всѣхъ этихъ изданій избираются только тѣ рисунки, которые болѣе соотвѣтствуютъ нашему сезону, такъ какъ многіе туалеты парижскихъ изданій не подходятъ къ условіямъ русской жизни. Подъ каждымъ туалетомъ объясняется, какъ слѣдуетъ подбирать полонезы или тюники и сколько идетъ аршинъ матеріи и гарнировки на весь туалетъ, а также назначена и цѣна его въ готовомъ видѣ. Кромѣ того дается: 12 картинъ, раскрашенныхъ акварелью, 12 листовъ приложений съ цвѣтными рисунками всевозможныхъ рукодѣлій, а также рисунками въ русскомъ и малороссийскомъ стилѣ для вышивки рубашекъ, полотенецъ, салфетокъ, скатертей, юбокъ, шторъ, драпри, калсонъ, кофты и т. п. Дамское, дѣтское и мужское бѣлье будетъ помещено въ совершенно полномъ составѣ. Особенное вниманіе редація обратитъ на выборъ приданнаго. Въ журналъ

войдутъ туалеты для пожилыхъ и полныхъ особъ, а также обратится особенное вниманіе на домашніе туалеты въ отношеніи ихъ экономіи. При заказѣ редакція высылаетъ образчики новыхъ матерій, за пересылку которыхъ прилагаются двѣ марки по 8 к. Гг. подписчики могутъ выписывать отдѣльный патронъ любой вещи, по своей тали, высылая для этого мѣрку по указанію нашихъ фигуръ; за каждый подобный патронъ платится 40 коп. съ пересылкою.

1-го числа помѣщается хозяйственный отдѣлъ, а 15—модная хроника.

Цѣна изданія съ пересылкою и доставкою за годъ 3 руб. 50 к.

№ 1-й журн. выйдетъ 1-го января 1878 г.

Кромѣ того г. подп. желающіе получить только что вышедшій въ свѣтъ

Альбомъ на 6-ти листахъ исполненъ хромофотографіей цвѣтными красками: 1) Взрывъ турецкаго монитора «Хивзи-Рахмана». 2) Портретъ Дубасова. 3) Портретъ Шестакова. 4) Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Зимницы, подъ прикрытіемъ артиллеріи, въ ночь съ 14-го на 15-е юня. 5) Переправа черезъ Дунай вплавь казаковъ и высадка войскъ у Систова. 6) Переходъ русскихъ войскъ у Браилова по плавучему мосту. Мѣстности обозначены №№: № 1) Русская батарея; № 2) Галаць; № 3) Турецкая деревня Читнямъ; №№ 4) и 5) развалины Гичета; № 6) Железная дорога въ дунайской гавани и 7) Видъ крѣпости Баязета въ Арменіи, гдѣ русскій небольшой гарнизонъ держался противъ 30,000 турецкой арміи. Гг. подписчикамъ 2-го изданія съ этого альбома дѣлается исключительная

уступка—60% съ назначенной цѣны 3 руб. въ продажѣ, съ пересылкой платять 1 р. 20 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, Караванная, домъ № 18, въ бель-этажѣ, и въ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, у И. Г. Соловьева Стр. 6., домъ Алексѣева. Подписка о 1-мъ изданіи «Модныхъ Выкройкъ», стоющемъ 7 р. въ годъ, см. въ прошедшемъ №.

Редакторъ-издатель: *А. Тарочешниковъ.*

Содержаніе: Слово на Новый 1878 годъ.—Характеристика Императора Александра I-го.—На память о нашихъ герояхъ (стихотвореніе).—Объявленія.

Печатать дозволяется 18-го Января 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кузьженко, Мало-Житомирская улица, домъ № 83.